Сона Скофилд

В сорок три я передумала

Сона Скофилд

В сорок три я передумала

«Автор»
2026

Скофилд С.

В сорок три я передумала / С. Скофилд — «Автор», 2026

После двадцати трех лет брака я осталась одна. Бывший муж по привычке раздавал советы, взрослая дочь готовилась стать матерью и уже выбирала диван, на котором я буду спать, помогая ей с малышом.Мое будущее казалось вполне предсказуемым, пока я не получила предложение поработать в театре другого города.Там я встретила Илью. Он был младше меня на девять лет, умел рассмешить и целовал так, что я забывала обо всех своих разумных доводах против нашего романа.Я позволила себе влюбиться, уверенная, что с окончанием лета мы расстанемся. Но у Ильи оказались совсем другие планы на меня.Впервые за долгие годы мне хотелось строить карьеру, просыпаться в объятиях любимого мужчины и строить собственное будущее. Только почему мое счастье оказалось таким неудобным для близких?В сорок три года я передумала жить по чужому расписанию. Осталось набраться смелости и признаться в этом тем, кого люблю.

© Скофилд С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Запасной ключ 5
Глава 2. Служебный вход 12
Глава 3. Наметка 18
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Сона Скофилд
В сорок три я передумала

Глава 1. Запасной ключ

— Только не вешай его на связку с папиным, а то опять перепутаешь.

Алиса положила передо мной ключ с зеленой пластиковой головкой. Одиннадцать месяцев назад я отдала ключи от квартиры, в которой прожила с Павлом почти всю свою взрослую жизнь. С тех пор на моей связке висел один-единственный ключ, и это меня вполне устраивало. Я придвинула подарок дочери к себе. Рядом лежали мебельный каталог и рулетка.

— Папин я отдала еще прошлым летом. А этот зачем? Ты опять собираешься куда-то уезжать?

— Да нет, мам. Ты же к нам теперь чаще будешь приходить.

— Куда уж чаще, если я твои полотенца по цветам знаю?

Алиса засмеялась, но тут же оглянулась на дверь. Из прихожей доносилось шуршание: Антон снимал куртку и, судя по звуку, в очередной раз воевал с вешалкой, которую сам прикрутил к стене.

— Тош, иди сюда! — позвала она. — Я больше ждать не могу.

Антон заглянул на кухню с таким довольным лицом, что я заподозрила их в очередной дорогостоящей покупке. В свои двадцать пять зять питал слабость к хорошим инструментам и всему, что требовало согласования с семейным бюджетом. Алиса вынула из-под обложки каталога сложенный листок и протянула мне.

На черно-белом снимке среди каких-то серых пятен виднелся маленький человечек с круглой головой. Я поднесла фотографию ближе к окну, хотя разглядывать там особенно было нечего, и прочитала фамилию дочери.

— Господи, Алиска...

Она кивнула. Антон обнял ее сзади, а я так резко встала, что стул ударился о батарею. Хотела расцеловать обоих, но сначала почему-то схватила Алису за руки.

— Ты как себя чувствуешь? Давно знаете? Почему молчали?

— Почти двенадцать недель уже. Я хотела тебе на своем дне рождения сказать, но потом решила дождаться обследования. Вчера были. Все хорошо, мам.

Ее день рождения мы отпраздновали шестого мая, всего два дня назад. Я вспомнила, как она отодвинула бокал с шампанским, сославшись на головную боль, и как старательно Антон ел принесенный мною торт за двоих. Вот ведь заговорщики. Даже сейчас, когда мне уже все показали, я с трудом укладывала в голове эту новость. Алиса вырастет, конечно, выйдет замуж, родит детей — в теории я давно была к этому готова. Однако та девочка, которую мне выдали в роддоме в смешной больничной шапочке, теперь сама собиралась стать матерью.

— Надежда Викторовна, — торжественно произнес Антон, — поздравляю с повышением.

— Спасибо. Только бабой Надей меня пока не называй. Дай привыкнуть.

Он поклялся, что даже не думал об этом, и пошел ставить чайник. Алиса уселась рядом со мной, достала телефон с фотографиями и минут десять показывала, где у ребенка ручка, где нос. Я поочередно верила всем ее объяснениям, хотя без подсказки вряд ли отличила бы нос от локтя. Когда она сказала, что рожать ей в ноябре, во второй половине месяца, я принялась считать, сколько до этого осталось времени, и удивилась, что еще даже не наступило лето.

Потом мы пили чай, обсуждали врача, смешные и страшные вещи, которые Алиса успела прочесть в интернете. Антон признался, что первую неделю после новости таскал тест на бере-

менность в кармане рюкзака. Алиса возмутилась: оказывается, она искала его по всей квартире. Мне было так весело с ними, что я не сразу сообразила, зачем на столе лежал мебельный каталог.

— Пойдем, покажу, — сказала дочь, потянув меня за собой.

В маленькой комнате, которую они пока использовали как кабинет, стояли стол с двумя мониторами, сушилка для белья и узкий шкаф. Алиса убрала с кресла Антонову толстовку и подошла к стене, где висели полки.

— Вот здесь диван поставим. Раскладной, небольшой. Я уже нашла один, метр сорок в разложенном виде. Стол Антон унесет в спальню, а шкаф придвинем к двери.

— А детскую кроватку куда?

— К нам в спальню, рядом со мной. Малыш же сначала совсем маленький. А тут ты будешь спать. Я подумала, если ты живешь у нас, незачем тебе мотаться через весь город утром и вечером. И зимой темнеет рано.

Я посмотрела на стену, возле которой мне предстояло спать. Над предполагаемым диваном висела фотография из их свадебного путешествия: Алиса в соломенной шляпе, Антон с обгоревшим носом, море занимало какой-то жалкий угол снимка, потому что целующийся зять заслонил половину кадра.

— Поживем — увидим, — ответила я. — До ноября еще дожить надо. Может, вам этот диван вообще ставить некуда будет, когда начнете детское покупать.

— Ну я же не сейчас тебя переселяю. — Дочь приложила рулетку к стене. — Мам, придержи вот тут, пожалуйста. Тоша сказал, что мне нужен метр восемьдесят по этой стене, а у меня два метра получается. Он от плинтуса мерил или откуда?

Мы измерили стену и выяснили, что с новым диваном дверь шкафа будет открываться только наполовину. Я предложила пока ничего не покупать. Алиса согласилась и сохранила ссылку на понравившуюся модель. На плане комнаты она уже отвела мне место, а я так и не спросила, надолго ли.

Когда я собиралась домой, она сунула мне ключ прямо в карман куртки.

— Ты все равно его забудешь на столе. Пусть будет.

Я обняла ее у двери. Алиса пахла своим обычным цветочным шампунем, и никакой разницы между вчерашней дочерью и сегодняшней будущей мамой я на ощупь не обнаружила. Уже на лестнице она крикнула, чтобы я не рассказывала соседке тете Лиде, потому что та непременно позвонит всему нашему бывшему подъезду.

На улице было тепло, хотя ветер с Волги еще пробирался под тонкую куртку. На остановке я полезла в сумку за телефоном и увидела непрочитанное сообщение от Марины Зориной. Она спрашивала, успела ли я посмотреть пьесу, которую она прислала накануне, и могла ли поговорить завтра после обеда. Я написала, что успела и очень хочу обсудить работу.

Еще утром предстоящий разговор с Мариной казался мне самым важным событием недели. Теперь надо было уместить в одной голове и спектакль, и Алискиного будущего ребенка, о котором час назад я еще ничего не знала.

На следующий день я разбирала фотографии на компьютере. Рабочий стол стоял у окна; верхнюю полку над ним занимали старые эскизы и театральные программки, нижнюю — материалы для нынешних заказов.

Стол я забрала из нашей с Павлом квартиры вместе со швейной машиной. Когда Алиса пошла в школу, на нем появился компьютер Павла, потом понадобилось место для учебников, и мне остался правый угол. По ночам я раскладывала выкройки на всей столешнице, но к утру должна была все убрать. Помню, как грузчики предложили выбросить этот стол при переезде. Я отказалась. Теперь даже незаконченный рисунок мог пролежать на нем до утра.

Марина Зорина нашла меня после весеннего спектакля о трех сестрах, встретившихся в доме покойного отца. Денег на постановку было мало, костюмы мы собирали в комиссионках.

Дольше всего я возилась с серым пальто старшей сестры: пришлось переделать плечи, чтобы на актрисе оно сидело так, словно она носила его всю жизнь. Марина обратила внимание именно на это пальто, попросила показать другие работы, а затем предложила приехать в Ярославль. Я решила, что речь о двух-трех вещах для чужой постановки. Оказалось, ей нужен художник на весь спектакль.

Набралось больше сотни фотографий, далеко не все удачные. Я выбирала между двумя одинаково плохими снимками, когда позвонила Алиса.

— Мам, ты дома? Я заеду на полчасика. У тебя же принтер работает?

— Работает. Что распечатать?

— У меня фотография с обследования в электронном виде есть. Хочу папе одну, тебе одну. Бумажку эту заляпаем, а она выцветает вроде.

Через сорок минут она появилась с пакетом творожных пончиков и своим ноутбуком. Пончики, как выяснилось, были мне: дочери от запаха жареного теперь делалось нехорошо. Пока я возилась с настройками печати, она заглянула в мой компьютер.

— О, а вот это ты когда делала? Синяя штука с золотым воротником.

— Позапрошлой зимой. Помнишь, я перед Новым годом три ночи сидела?

— Это для той певицы, да? Мам, а почему ты такие классные вещи нигде не показываешь?

— Потому что она потом в них выступала, а у меня остались две фотографии с кухни.

— Ну эту-то можно нормально обрезать. Смотри, тут даже лица не видно. Зато все вышито. Погоди, а тебе зачем сейчас?

Я рассказала про Марину, Ярославль и постановку. Алиса сразу принялась расспрашивать, сколько там артистов, будет ли премьера и смогу ли я достать билеты. Она даже отложила пончик, который все-таки решила попробовать.

— Ты сама все придумаешь? Прямо с начала?

— Если договоримся. У меня через час разговор с режиссером. Пока ничего не подписано.

— Мам, это же круто! Ты мне покажи, что у тебя есть. Сейчас сделаем по-человечески, а то у тебя даже папка называется «Разное новое окончательное».

Алиса быстро отсеяла дубли, заставила меня подписать названия постановок и указать, за что я отвечала в каждой работе. Она даже вернула фотографию платья, которую я собиралась удалить: подол на снимке казался кривым, и я объяснила, что актриса играла женщину с заметно приподнятым плечом. Так и было задумано.

— Так и напиши, — потребовала дочь. — Откуда они знают, что ты это специально сделала?

— Режиссеры обычно в курсе, для чего существуют кривые подолы.

— Ну и хорошо. Напиши нормально, не надо скромничать. Я бы тебя вообще в первом же слайде подписала огромными буквами.

У меня в итоге получилось двенадцать страниц. Когда за Алисой приехал Антон, она позвала его к компьютеру и показала ему пальто старшей сестры.

— Видишь? Это все мама. И представь, в магазине такого не было. Она из обычного сделала вот это.

Антон признался, что разбирается в пальто примерно как я в его промышленном оборудовании, зато фотография ему нравится. Алиса погрозила ему пальцем и показала еще два костюма. В детстве она часто засыпала под моим столом, на ковре, пока я заканчивала срочные заказы. Теперь она сидела на моем месте и распоряжалась результатами этих лет с гораздо большей уверенностью, чем я.

Когда они ушли, я поставила снимок с обследования в рамку, из которой давно собиралась убрать фотографию с прошлогоднего корпоратива Павла. К разговору с Мариной уже все было готово.

Марина вышла на связь из пустого репетиционного зала. Поздоровавшись, она тут же поднесла рабочую тетрадь к камере, показывая схему пространства.

— Смотри, Надь. Вот у нас условно веранда старого дома. Все остальное будет меняться светом и несколькими предметами. Я хочу, чтобы зритель через одежду понимал, кто из этих людей здесь свой, а кто приехал на неделю и уже готов уехать. Без нарядов из бабушкиного сундука, пожалуйста. Это современные люди.

— Я прочитала. У хозяйки дома будет две смены одежды?

— Пока две. Возможно, добавим третью. Меня беспокоит середина второго действия, там темп довольно быстрый. Если костюм сложный, нам потом будет весело.

— Тогда давай сразу посмотрим, кто после какой сцены переодевается. Мне показалось, что одной из героинь можно оставить ту же юбку и поменять верх. По тексту она домой уезжает, но возвращается практически сразу.

Марина полезла в записи, и разговор, на который я отводила полчаса, продолжался почти полтора. Мы обсуждали пьесу «Береговой дом», восьмерых актеров, около шестнадцати образов и характеры людей, которым предстояло эти вещи носить. Я возражала, когда Марина предлагала одеть одного из мужчин с излишней, на мой взгляд, нарочитой бедностью. Она спорила со мной, потом отложила ручку и попросила объяснить, что именно я увидела в тексте.

— Он приезжает к матери после пяти лет отсутствия, — сказала я. — Ему хочется выглядеть успешным. Если мы дадим ему старый свитер и ботинки, которые просят есть, зачем ему тогда вся первая сцена, где он рассказывает, как хорошо устроился? Я бы сделала приличную куртку. Пусть будет чуть тесная, будто он купил ее несколько лет назад в удачный период. И еще он все время будет поправлять рукава.

— Хорошо, — сказала Марина после недолгой паузы. — Это уже интереснее. Сделай эскиз, посмотрим.

Я принялась записывать ее замечания на обороте счета за электричество. В театре у меня вечно не оказывалось чистой бумаги под рукой, и сейчас, за своим домашним столом, я с удовольствием узнала старую привычку.

Под конец разговора Марина уточнила даты. Фестиваль назывался «Июльская сцена», открывался десятого июля и продолжался до девятнадцатого. Наш спектакль стоял в первый день. Приехать требовалось двадцатого мая, чтобы успеть посмотреть костюмный фонд, мастерскую, людей, с которыми я буду работать, и начать примерки. Основной пошив возьмет на себя цех, а я буду заниматься художественной частью, подбором материалов и контролем результата.

— Дина тебе завтра пришлет договор, — закончила она. — Проживание организуем до двадцатого июля. Тебе по срокам подходит? Я тебя раньше чем через два месяца домой не отпущу.

Последняя фраза была сказана шутливо, но я машинально посмотрела на рамку со снимком. Два месяца. Май, июнь, половина июля. Алиса будет еще беременна, дома с Антоном. И все-таки у меня на языке уже вертелось привычное: «Мне надо уточнить».

— Подходит, — сказала я. — Давай посмотрю договор.

Марина попросила прислать первые наброски до отъезда и отключилась. Я раскрыла портфолио, которое мы собрали с дочерью, и впервые просмотрела его от начала до конца без желания что-нибудь убрать.

Двенадцать страниц. За ними стояло гораздо больше работы, чем можно было догадаться по фотографиям. И если все получится, скоро прибавится еще одна постановка, где не придется в примечаниях объяснять, какую именно часть чужой работы я выполнила.

Утром десятого мая мне позвонил Павел. Я успела сварить кофе и собиралась открыть присланный Диной договор.

— Видела фотографию? — спросил он вместо приветствия.

— Какую из пяти?

— Мне Алиска вчера дала. Слушай, хорошая же новость! Я всю ночь не спал. Вроде дочку вырастил, чего тут удивляться, а оказывается, совсем другое ощущение.

Я улыбнулась. Когда родилась Алиса, Павел обзвонил всех, кого знал, включая человека, у которого мы покупали холодильник. Тот был его школьным приятелем и с тех пор почти с нами не общался, зато на протяжении нескольких лет присылал поздравления дочери. Павел умел искренне радоваться, и по его нынешнему голосу я слышала, что в эту минуту он совершенно счастлив.

— Я тут кроватки посмотрел, — продолжал он. — Думаю, куплю им хорошую, с матрасом. Антон пока в ценах не ориентируется. Может, заедем в магазин вместе?

— Зачем так рано? Она еще сама не знает, какую хочет.

— Посмотреть можно? В конце концов, деньги у меня есть. Да и вам девчонкам всегда надо время, чтобы определиться. Я сегодня к ним поеду, полку в ванной повесить. Ты будешь?

Я сказала, что собиралась к Алисе в гости после обеда, и Павел предложил встретиться там. О нашем разводе мы почти перестали говорить. За год с небольшим, прошедший с того вечера, когда я объявила ему о своем решении, мы научились звонить друг другу по делам без лишней неловкости. Правда, Павел до сих пор иногда спрашивал, не нужно ли купить мне что-нибудь по дороге, и я едва удерживалась, чтобы не попросить его заодно вынести мусор, как в прежние времена.

После полудня я приехала к дочери. Павел с Антоном только что закончили возиться с полкой в ванной.

— А сколько тебе за этот выезд заплатят? — спросил Павел, когда мы уселись обедать.

Я удивленно взглянула на дочь.

— Я папе про театр рассказала, — объяснила она. — Он говорит, что в Ярославле красиво.

— Красиво, — подтвердил Павел. — На набережной хорошо. Я там был в командировке. А чего так надолго-то?

— Постановка новая. Надо сделать костюмы с самого начала, и там еще фестиваль после премьеры.

— То есть ты до конца июля там будешь?

— До двадцатого.

Он доел салат, отодвинул тарелку и задумчиво потер переносицу.

— Ну смотри. Разве нельзя часть работы из дома сделать? Эскизы, что там у тебя еще. Месяц туда-сюда, на крайний случай. А то сейчас Алиске уже тяжеловато бывает, а летом жара начнется.

— Пап, я пока нормально себя чувствую, — вмешалась дочь.

— Да я не про сейчас. Антона повысили, у него то одно, то другое, и отпуска неизвестно когда будут. У меня в июне инвентаризация. Ну вы же понимаете, я вас обеих люблю, только через голову прыгать не могу.

Антон поставил перед женой стакан воды и сообщил, что у него в июне действительно предстоит запуск нового объекта, но вечерами он будет дома. Павел ответил, что речь не об этом, и снова повернулся ко мне.

— Надь, а тебе потом не предложат что-нибудь поближе? Ты же всегда в Самаре себе работу находила. Это, конечно, интересно, развеешься, поездка хорошая. Но два месяца сейчас, мне кажется, многовато.

Мне захотелось спросить, когда именно за наши двадцать три года брака он хотя бы однажды выбирал продолжительность командировки в зависимости от того, удобно ли мне оставаться дома. В памяти некстати возникла наша прежняя квартира, семь вечера, разложенные на полу выкройки, телефонный звонок Павла: приезжают люди из головного офиса, надо помочь ему с приемом гостей. Он даже не дослушал, когда я сказала, что меня ждут на примерке, потому что вопрос, с его точки зрения, уже был решен.

Я не стала вытаскивать ту давнюю ссору за Алисин стол. Павел смотрел на меня доброжелательно и, по-моему, действительно не понимал, почему я вдруг перестала есть.

— Я не на экскурсию еду. Если подпишу договор, то должна буду там работать до девятнадцатого июля. Как ты на инвентаризации.

— Да подписывай ты, господи. Я просто спросил.

— Вот я и ответила.

Алиса принялась с удвоенным усердием намазывать масло на кусок хлеба. Антон вспомнил, что надо заварить чай, и полез в шкаф за чашками. Ссориться в тот день мне совершенно не хотелось. Я предложила дочери съездить на следующей неделе за удобной одеждой, и мы довольно быстро вернулись к обсуждению покупок.

Только позднее, когда Павел собрался уходить, Алиса задержала меня у окна. Она наблюдала, как отец на улице открывает багажник машины.

— Мам, ты правда не переживай за меня летом. Я ведь на работу хожу, все нормально. Ты же вернешься к ноябрю?

— Конечно. Какие у меня могут быть дела с этой постановкой в ноябре? Она в июле закончится.

— Просто я себе уже представляла, как мы вместе будем. Тоша отпуск на первое время хочет взять, но там всего две недели. А я с маленьким ребенком даже одна ни разу не оставалась. У девчонки с работы все время какие-то истории: то покормить не может, то муж ночью не просыпается. Я слушаю и думаю, а если у меня так же будет?

Я погладила ее по волосам. В детстве Алиса пугалась грозы и приходила к нам ночью, волоча за собой подушку. Павел спал у стены, и дочь забиралась на мою половину, под одеяло, прижималась горячими коленками. Сейчас она была выше меня почти на полголовы, но я все еще могла узнать то выражение лица, с которым она стояла у нашей кровати.

— Сначала родишь, там разберемся. Я помогу.

— А ты сможешь у нас пожить? Мне хотя бы в первые месяцы, пока совсем ничего не знаю.

Я готова была пообещать Алисе что угодно, лишь бы она перестала беспокоиться. После разговора с Павлом я все еще чувствовала себя так, будто забираю у семьи то, что ей принадлежит. На три месяца после рождения ребенка у меня пока не существовало ни единого плана. Я отдала их с удивительной легкостью.

— Смогу. Давай первые три месяца побуду у вас. Потом посмотрим.

— Серьезно?

— Серьезно.

Она обняла меня и тут же позвала Антона сообщить, что мы договорились. Я слушала их радостный разговор из прихожей, застегивала куртку и думала о том, что теперь можно спокойно ехать в Ярославль.

Договор я прочитала в тот же вечер. В нем обнаружилось несколько неясных мест. На следующий день мы созвонились с Диной Громовой, продюсером постановки, обсудили график выплат, объем работы и расходы на материалы. Проезд и проживание шли отдельно от моего гонорара, закупки для костюмов предстояло согласовывать с ней. Дина выслушала мои вопросы и уточнила формулировки о дополнительных образах, если они понадобятся

сверх согласованного объема. Оказалось, можно было просто спросить, не извиняясь предварительно за то, что я интересуюсь собственными деньгами.

Четырнадцатого мая мы подписали договор. На столе у меня уже лежали наброски для «Берегового дома»: женщина в широком светлом плаще, мужчина в короткой куртке, два варианта платья, которое хозяйка дома надевала к приходу гостей. Я отправила Марине фотографии эскизов. Она попросила изменить рукав на платье и оставить оба варианта плаща до встречи с актрисой.

Вечером пятнадцатого я купила билеты, выбрав дорогу с прибытием в Ярославль двадцатого мая. До Москвы предстояло добраться накануне, оттуда ехать дальше. Дина подтвердила адрес квартиры и прислала номер человека, который передаст мне ключи по приезде.

Я распечатала договор и положила его в папку с эскизами. Потом достала с верхней полки шкафа чемодан. Он был большой, с потертым колесом и старой багажной наклейкой, которую я никак не могла отодрать. Последний раз мы пользовались им на отдыхе с Павлом; тогда в одной половине лежали мои вещи, в другой его, а в наружный карман я засунула весь наш запас лекарств и зарядных устройств.

На этот раз половину чемодана я собиралась отвести под образцы тканей, инструменты и рабочую одежду. Вторую — под все остальное. Даже положила сверху любимое темно-зеленое платье, хотя понятия не имела, куда в нем пойду.

В кармане куртки обнаружился ключ с зеленой головкой. Я убрала его в сумку, написала Алисе, что купила билет, и отправила снимок открытого чемодана. Сверху лежали папки с эскизами.

«Возьми платье, мам! И нормальные туфли, а не только кеды», — почти сразу ответила она.

Я посмотрела на зеленую ткань, выглядывавшую из-под пачки эскизов, и отправила ей фотографию платья. Потом пошла искать туфли.

Глава 2. Служебный вход

Чемодан сломался в Ярославле, когда до выхода с вокзала оставалось каких-нибудь двадцать метров. Я услышала характерный треск, обернулась и увидела, что одно колесо катится в сторону урны. Догнала его, подняла и зачем-то убрала в сумку. Впереди у меня было два месяца, за которые, при известной настойчивости, я могла найти человека, способного приделать его обратно.

До квартиры добралась на такси. Женщина из администрации театра проводила меня на третий этаж, передала ключи и предупредила, что холодильник иногда издает странные звуки.

— Вы не пугайтесь. Он и у прежних жильцов так делал. Если что понадобится, звоните мне, я здесь через два дома живу.

Квартира была небольшая, с окнами во двор и кухней, в которой двое людей с трудом разминулись бы у плиты. Зато в комнате стоял длинный стол. Я подвинула его к окну, поставила на подоконник стакан с карандашами и разложила привезенные образцы тканей. Местные хозяева оставили мне четыре глубокие тарелки, одну плоскую, крошечную сковородку и столько вешалок, что я могла бы разместить в шкафу половину костюмов к спектаклю.

К обеду образцы тканей заняли стол у окна, чемодан отправился под кровать. Алисе я показала квартиру по видеосвязи. Дочь одобрила рабочее место, а о кухонном стуле отозвалась с презрением: на таком, по ее мнению, нельзя было сидеть дольше десяти минут. Обещала узнать у Антона, можно ли заменить колесо чемодана. Марина прислала сообщение: завтра в десять меня ждали в театре.

Вечером я нашла дорогу к театру. Кирпичное здание с широким крыльцом узнала по фотографии Дины. На обратном пути прошлась вдоль набережной и заглянула в хозяйственный магазин за подушкой для несчастного кухонного стула. Заодно купила вторую плоскую тарелку. Жить предстояло одной, но за два месяца ко мне наверняка кто-нибудь заглянет.

Наутро я явилась в театр без четверти десять и, конечно, не туда. За стеклянными дверями главного входа уборщица протирала пол. Увидев меня, она помахала тряпкой в сторону двора и показала, что нужно обойти здание. У служебной двери сидела вахтерша с раскрытым журналом и круглой коробочкой мятных леденцов.

— Фамилия?

— Соколова. Художник по костюмам на «Береговой дом».

Она нашла меня в списке и выдала временный пропуск.

— Прямо по коридору, потом налево. Если упретесь в пианино, значит, прошли свою дверь. Леденец хотите?

Леденец я взяла и отправилась искать Марину. Пианино обнаружилось раньше, чем я успела разобраться в дверях. На его крышке лежала пустая коробка из-под пиццы. Я вернулась немного назад и увидела на одной из дверей лист бумаги с надписью «Костюмерная. Не склад!». Изнутри доносилось жужжание машинки.

Марина нашлась именно там. Она стояла у раскройного стола в длинной рубашке, с очками на макушке, и пыталась отыскать фотографию в телефоне. Заметив меня, отложила аппарат и крепко обняла.

— Наконец-то! Дай я на тебя посмотрю. Как доехала?

— Если не считать одного колеса, прекрасно.

— А колесо где?

— Со мной. Мы друг друга не бросаем.

Она засмеялась и познакомила меня с заведующей мастерской, Светланой Ершовой. Светлана сидела на высоком стуле, подшивая вручную край жакета. На ней был синий рабо-

чий халат с маленькой дыркой на кармане, волосы она убрала в пучок, а очки носила на ярко-оранжевом шнурке. Узнав, что я привезла образцы, сразу отложила жакет.

— Вы мне только одно скажите, Надежда Викторовна. У вас все это в июне должно быть готово или в июле? Потому что Марина говорит одно, а бумаги мне приносят совсем другие.

— Свет, ну я же тебе объяснила! — возмутилась Марина.

— Ты мне объяснила, что мы все успеем. Я и спрашиваю, к какому числу.

Я достала папку. В ней были распечатанные эскизы, разбивка по сценам и предварительный список вещей, которые можно было поискать в фонде. Поговорив со Светланой минут двадцать, мы выяснили, что мастерская до начала июня еще заканчивает работу над двумя спектаклями текущего репертуара. На наши костюмы время предусмотрено, но если я захочу к следующей неделе получить восемь полностью одетых артистов, придется пересматривать график. Мне же пока нужны были примерки, несколько пробных деталей и возможность понять, что из готового фонда годится для переделок.

— Вот с этим уже можно жить, — заключила Светлана. — Пойдемте, покажу хозяйство.

Светлана показала мастерскую, где работали две портнихи, а молодая костюмер Аня повела меня в фонд. Она безошибочно знала, у каких брюк есть запас в поясе, у какого пиджака потерлись локти, какие вещи скоро освободятся. Мы составили список для первых примерок. Дина уточнила график закупок, и к трем часам я вернулась к Светлане: пора было браться за главные образы.

Светлана разложила на столе два моих эскиза плаща. В пьесе его носила дочь хозяйки дома, приезжавшая из большого города на несколько дней. У нее было немного вещей, тщательно подобранных и дорогих на вид. Светлый плащ с широкими рукавами должен был сразу выделять ее среди остальных персонажей, одетых гораздо проще. В первом варианте я сделала более строгую форму, во втором позволила ткани свободно ложиться по бокам. Марина предпочла второй.

— Для начала соберем макет из того, что есть, — предложила Светлана. — Посмотрим, что на человеке получится. У меня остаток бязи лежит, вполне хватит.

Мы обсудили конструкцию с портнихой и договорились, что завтра после утренней репетиции актриса придет на примерку.

По дороге домой я пообедала в столовой, а вечером продолжила работу над эскизами.

На следующий день мы получили возможность провести короткую примерку на сцене. Марине было важно сразу увидеть, как светлый плащ будет выглядеть на фоне темного дерева и как актриса сможет в нем пройти по веранде. Декорации еще не были готовы. На полу лежала разметка, часть объемов обозначили временными щитами, а один фрагмент боковой стены уже собрали для проверки переходов.

Актрису звали Вера. На ней были джинсы и легкая футболка, поверх которых мы надели пробный плащ. Бязь, разумеется, лежала совсем иначе, чем выбранная мною ткань, но позволяла проверить основные пропорции. Я поправила на Вере плечо, посмотрела на нее из зала, попросила пройтись и остановиться у воображаемого окна. Она несколько раз меняла положение рук, пока Марина не нашла то, что ей было нужно.

— Так хорошо, — сказала режиссер. — Только попробуй войти оттуда, откуда у тебя выход в первой сцене. Сумку возьми, вот эту, на стуле.

Вера направилась за боковой щит. Я спустилась с первого ряда, чтобы посмотреть на плащ в движении с другого ракурса. В это время со стороны кулис вышел высокий мужчина в темно-серой футболке. Он что-то обсуждал с рабочим сцены, держа перед собой сложенный чертеж. Услышав Марину, повернулся к нам.

— Подождите, — сказал он. — С этим рукавом она здесь не пройдет.

Вера остановилась на полпути. Марина посмотрела на него, потом на меня.

— В смысле? Сейчас же проход открыт.

— Пока открыт. Здесь будет торец стены и крепление. Мы оставили проход по чертежу, но она в него с таким объемом не войдет нормально. Особенно с сумкой.

Он подошел к щиту и показал границу будущей декорации. Вера застыла с сумкой. Мы еще не закончили проверку, и мне не понравилось, что незнакомый человек уже успел вынести приговор моему плащу.

— Это пробный костюм, — сказала я. — Готовый будет из другой ткани, она мягче.

— Насколько мягче?

— Достаточно, чтобы рукав нормально складывался при движении.

Он снова взглянул на Веру.

— А на каждом выходе она будет его придерживать?

— Почему на каждом? Дайте ей пройти, и мы посмотрим.

— Вот когда поставим стену целиком, смотреть будет поздновато. Давайте сейчас проверим настоящий размер прохода.

Говорил он спокойно, но мне уже успело почудиться в его тоне то самое снисходительное удивление, с которым Павел когда-то спрашивал, обязательно ли мне ехать на примерку. Я прекрасно знала, что костюм нельзя придумывать отдельно от сценического пространства, и обиделась, что он решил мне об этом напомнить.

— Если вам нужна актриса в водолазке и лосинах, можно было сразу об этом сказать. Мы бы не тратили время на макет.

Мужчина поднял брови. Марина кашлянула, а Вера, с удовольствием следившая за нашим разговором, перехватила сумку другой рукой.

— Водолазку я бы летом не хотела, — сообщила она.

— Хорошо, обойдемся без водолазки, — ответил мужчина и обратился ко мне: — Я про один рукав говорю. Остальное мне ничем не мешает. У вас есть десять минут на проверку?

— Есть, — сказала я, несколько остыв.

Он попросил рабочего принести свободную стойку с легким щитом, который можно было поставить на отметку вместо еще не установленного элемента. Пока освобождали место, мужчина раскрыл чертеж, подозвал меня и показал узкий поворот, скрытый от зрителя боковой стеной.

В первой сцене Вере предстояло появиться в дверном проеме, пройдя за декорацией. В это же время один из актеров уже находился там, ожидая своего выхода. У стены имелась выступающая часть, за которую легко было зацепиться тканью, а места, чтобы разминуться с актером, оставалось немного.

Мы склонились над чертежом. Он придерживал бумагу обеими ладонями. Белый шрам возле большого пальца, темные волоски на запястье — я заметила все это, хотя мне следовало смотреть на чертеж. От мужчины пахло свежестью и деревом. Я выпрямилась и нарочно заговорила деловым тоном.

— А этот поворот нельзя чуть сместить? — спросила я, показав на линию.

— Посмотрим. Сначала пройдите в существующем размере. Мне нужно знать, сколько именно вам не хватает.

Когда временный щит установили, Вера снова направилась к выходу. Я шла за ней. В повороте она автоматически подняла локоть, чтобы удержать сумку, широкий рукав лег на край щита. Вера отдернула руку и остановилась.

— Ага, — сказала она. — Вот это мне точно понравится перед выходом.

Я попросила ее повторить переход с сумкой в другой руке. Получилось немного лучше, но тогда менялось все движение в первой сцене: героиня должна была поставить сумку на скамью справа от себя, практически не задерживаясь в дверях. К тому же заставлять актрису всякий раз вспоминать, как именно держать локоть, было плохой идеей.

— Можно убрать часть объема с задней стороны рукава, — сказала я. — Спереди сохранится широкая линия, при ходьбе ткань будет двигаться так, как нужно. И если чуть увеличить место в этом повороте, должно хватить.

Мужчина присел возле отметки, посмотрел на чертеж и позвал Марину. Они недолго поговорили о том, какой участок декорации виден из крайних мест зала. Он предложил обсудить с художником-постановщиком смещение бокового элемента на несколько сантиметров, не затрагивая дверной проем. Марина согласилась, что для действия это ничего не изменит, но попросила проверить видимость после перестановки.

Пока Вера снимала пробный плащ, я еще раз посмотрела на мужчину. Он оказался заметно выше меня; мне приходилось задирать голову, если он стоял рядом. Темные волосы были коротко острижены, на виске прилипло что-то белое, вероятно, пыль от декораций. Я едва не сказала ему об этом, но он уже отвернулся к рабочему сцены, уточняя, когда можно будет повторить проверку.

— К завтрашнему обеду успеете изменить макет? — спросил он наконец.

— Думаю, да. Мне нужно поговорить со Светланой.

— Тогда в половине первого. Я уточню по сцене и скажу Марине. Дольше пятнадцати минут нам вряд ли понадобится.

Он сложил чертеж и пошел к выходу. Я вспомнила, что мы так и не представились, уже когда Марина потянула меня обратно к залу.

— Это Илья Берестов, технический руководитель площадки, — сказала она. — Я вас хотела на общей встрече познакомить. Вы, смотрю, прекрасно справились сами.

— Я всегда так знакомлюсь. Сначала предлагаю водолазку.

— Зря, между прочим. Вера теперь точно захочет себе одну.

Марина засмеялась и убежала к актерам. Я вернулась в мастерскую, где Светлана по одному моему виду догадалась, что примерка закончилась не так, как мы рассчитывали.

— Ну, что будем распарывать?

Я разложила макет на столе и объяснила проблему. Светлана предложила забрать часть ширины ближе к заднему шву. Мы наметили новую линию булавками, оставив свободную часть рукава чуть длиннее спереди, чтобы сохранить задуманный силуэт. Когда сняли лишнюю ткань и сравнили оба рукава на манекене, даже Светлана, довольно сдержанная в оценках, одобрительно хмыкнула.

— А этот, по-моему, лучше получился. Смотрите, плечо гораздо спокойнее.

Пришлось признать, что она права. Я попросила переделать второй рукав так же и оставила на столе образец будущей ткани. Прежде чем уйти, предупредила Светлану о повторной проверке перехода. Та записала время на листе, висевшем у телефона, и велела мне наконец пообедать. Оказалось, в мастерской давно уже привыкли к людям, которые заявлялись сюда с утра и под вечер начинали жаловаться, что у них болит голова.

За обедом я нарисовала новый рукав и уточнила линию спинки. Собственная колкость все еще не давала мне покоя. Берестов ведь даже не видел моих эскизов и ничего не сказал о том, нравятся они ему или нет. Он посмотрел на рукав, посмотрел на проход и задал совершенно разумный вопрос. Я почему-то ответила так, словно он лично пришел отнять у меня работу.

Двадцать третьего мая мы снова встретились возле сцены. В зале репетировали другой спектакль, и нам пришлось подождать. Илья сидел на низком ящике, договаривался по телефону о доставке оборудования. Уточнил размеры машины, убрал телефон в карман и встал.

— Добрый день. Удалось что-нибудь сделать с вашим плащом?

— Удалось. И еще кое-что хотела сказать. Вчера я вам нагрубила. Извините.

Он на секунду замешкался.

— Из-за водолазки?

— В том числе.

— А я уже решил, что это у вас профессиональная угроза такая.

Я невольно улыбнулась.

— Обычно я угрожаю булавками.

— Тогда буду иметь в виду.

Подошли Марина и Вера, за ними Аня принесла исправленный макет. На площадке уже стояли щиты, один из которых был немного сдвинут по сравнению со вчерашней проверкой. Илья сказал, что художник-постановщик согласовал изменение. Оставалось проверить, что при новом положении элемента зрители с краев зала не увидят лишнего за декорацией.

Вера надела плащ. Мы прошли с ней за временную стену, я попросила не поправлять рукава и идти обычным шагом, с сумкой в правой руке. Она прошла один раз, вернулась, затем повторила движение чуть быстрее. Ничего не задела. Для последней проверки позвали артиста, который должен был ждать выхода с другой стороны. Марина задала им нужное положение и попросила сыграть небольшой фрагмент перехода. Вера появилась в дверном проеме, опустила сумку на скамью и остановилась.

Я смотрела из зала и не сразу заметила, что Илья подошел ко мне.

— Вот теперь нормально, — сказал он. — И ходит свободнее.

— Да, я тоже вижу.

Марина попросила Веру еще раз развернуться к окну, а затем, довольная тем, что мы успели, собралась возвращаться к репетиции.

— Марин, — окликнул ее Илья. — Надежда хорошо придумала с рукавом. Нам теперь не нужно сильно разносить щиты, достаточно того, о чем с утра договорились. По проходу вопрос закрыт.

— Отлично. Надь, тогда оставляем этот вариант?

— Оставляем.

Я взяла у Веры плащ, а Илья пошел проверять крайние зрительские места. Через несколько минут он вернулся, подтвердил, что с видимостью все в порядке, и занялся следующими делами. Вся проверка уложилась в обещанную четверть часа. Когда мы уходили, Аня обнаружила, что сумку забыли на сцене, и Вера побежала за ней.

В мастерской я подписала исправленный макет и раскрыла остальные эскизы. Все никак не могла забыть, как Илья сказал Марине, что удачное решение предложила я. Мог ведь ограничиться коротким «с проходом разобрались». Дома мои профессиональные дела годами обсуждались преимущественно с точки зрения того, сколько времени они отнимают. Признание коллеги было непривычно приятным. Особенно этого коллеги.

Работа нравилась мне все больше. Я уставала, болела спина, к вечеру от булавок саднило несколько пальцев, но не возникало желания отложить все и поскорее убежать домой. В прежние годы к пяти часам я уже начинала рассчитывать, сколько времени займет дорога, успею ли купить продукты, сварить ужин и закончить работу, когда все улягутся. Здесь в пять я пила кофе со Светланой и обсуждала с ней ткани. В половине седьмого могла остаться еще на двадцать минут, если хотелось доделать эскиз, а могла решить, что на сегодня хватит.

Вечером Алиса прислала фотографию новых джинсов с мягкой вставкой для живота. Мы поговорили о ее делах, о театре и о возможном приезде в июне. Я обещала показать дочери плащ после пошива.

Утром двадцать четвертого мая в театр привезли материалы для нескольких постановок. У входа в мастерскую скопились коробки, пакеты и длинные рулоны ткани. Пока Светлана сверяла накладные, мы с Аней пытались перенести к раскройному столу один из общих рулонов, чтобы отмерить свою часть ткани.

Мы взялись за оба конца, но почти сразу стало ясно, что в тесном коридоре придется либо развернуть рулон вертикально, либо как-то протащить его мимо стоявшей у стены тележки. Аня попятилась и чуть не наступила на пакет с фурнитурой.

— Погоди, — сказала я. — Поставь пока. Давай сначала тележку уберем.

Она опустила свой конец, я прислонила рулон к стене и пошла освобождать дорогу. Из соседнего помещения вышел Илья. Увидел нашу конструкцию и остановился.

— Вы это куда тащите?

— В мастерскую. У нас теперь еще и мебелью можно торговать, только не знаем, где разложить товар.

Он отодвинул тележку, посмотрел, свободен ли проход за ней, и взялся за дальний конец рулона.

— Ань, придержи дверь. Надежда, вам удобно с этой стороны?

— Да, вполне.

Мы подняли рулон и понесли его вдоль коридора. Мне приходилось следить за своим концом, чтобы не снести со стены огнетушитель, и в какой-то момент я чуть не натолкнулась на человека, вышедшего из гримерной. Илья вовремя остановился, подождал, пока тот пройдет, и негромко предупредил меня о пороге. В мастерской мы опустили рулон на стол. Светлана, увидев его, сразу потребовала не класть ткань на лежавшие у края ножницы.

— Вот видите, — сказала я Илье. — Вас здесь даже за помощь ругают.

— Со Светланой я уже семь лет работаю в режиме повышенной осторожности.

— И все равно ножницы на стол кладу я, — отозвалась Светлана. — А вы тут не стойте без дела, мне еще коробку убрать надо.

Илья засмеялся, помог переставить коробку с прохода на свободную полку и собрался уходить. Я поблагодарила его. Он задержался у двери.

— Надежда, если по следующим костюмам будут вопросы с проходами, дайте мне знать. Лучше заранее посмотрим, чтобы потом ничего не переделывать.

— Хорошо. Только я теперь буду приносить эскизы без водолазок.

— Договорились.

Он ушел, а я обнаружила, что Аня протягивает мне сантиметровую ленту, которую я сама попросила у нее минуту назад. Пришлось взять ее и перестать смотреть в дверной проем.

Вечером я закрыла тетрадь с рабочими отметками и уже у выхода услышала за сценой мужской смех. Невольно замедлила шаг. Это оказался кто-то другой. Я расписалась у вахты, отказалась от леденца и пошла к набережной, решив сегодня не возвращаться домой сразу.

На углу мне встретилась небольшая булочная. За стеклом лежали пироги с ягодами, пышные слойки и румяные конверты с сыром. Я купила один такой конверт и кофе, устроилась у окна и раскрыла блокнот. Собиралась спокойно обдумать следующий костюм. Нарисовала две линии, отломила кусочек теплого теста и вдруг поймала себя на том, что улыбаюсь, вспоминая утренний разговор в мастерской.

У Ильи оказался очень приятный смех. До этого дня мне ни разу не удавалось услышать, как он смеется по-настоящему.

Я допила кофе, убрала блокнот в сумку и отправилась гулять.

Глава 3. Наметка

— Уберите у нее пояс. Он там как будто чужой.

Марина сидела напротив меня за раскройным столом и водила тупым концом карандаша по эскизу. Рядом лежали еще семь листов, из которых она успела одобрить только два. Остальные мы с ней уже добрых сорок минут то придвигали, то отодвигали друг от друга, пытаясь собрать всех персонажей «Берегового дома» в одну семью.

— Без пояса платье будет свободнее, — сказала я. — Она же в этой сцене как раз старается выглядеть собранной. Ждет гостей, все приготовила, переоделась. Мне хочется, чтобы зритель увидел, сколько усилий она на это потратила.

— В талии ей будет неудобно наклоняться. Там довольно много возни с посудой.

— Сделаем мягкий широкий пояс из той же ткани. Не станем затягивать. Давай пока оставим, на примерке решим.

Марина поставила возле рисунка галочку. Светлана, поджидавшая именно этого момента, забрала лист вместе с образцами ткани и велела нам больше ничего не придумывать до обеда. Ей нужно было наконец составить список для закупки.

К вечеру двадцать пятого мая основные эскизы утвердили. На следующий день мы со Светланой выбрали материалы, оформили через Дину заказ и оставили образцы для проверки на сцене. Утром двадцать седьмого нам выделили время до начала репетиции.

Илья стоял возле пульта, разговаривая со световиком. Увидев меня, кивнул и закончил разговор. На нем была черная рубашка с закатанными рукавами, и я с некоторым удивлением отметила, что он мне уже начинает нравиться даже со спины. Достаточно было увидеть, как он повернул голову на голос коллеги, как убрал в карман телефон, чтобы мне захотелось подойти поближе.

— Сколько у нас сегодня претендентов на вылет? — спросил он, когда я поставила коробку на край сцены.

— Шесть. Но я надеюсь, что выживут все.

— Оптимистично.

Мы разложили образцы. Световик включал по очереди заранее намеченные варианты освещения, а я смотрела, как меняются цвета, сначала с нескольких мест в зале, потом со сцены. У одного зеленого лоскута исчезла вся теплота, и он стал каким-то больничным. Другая ткань, которую Светлана вчера отложила как скучную, неожиданно хорошо смотрелась рядом с темным деревом декорации.

— Вот эту я бы оставила, — сказала я, поднимая лоскут на уровень груди. — Посмотрите, из зала она гораздо богаче выглядит.

Светлана стояла в третьем ряду. Она попросила меня повернуться боком, затем поднять образец повыше. Я сделала, как она сказала, и заметила Илью. Он опирался рукой о спинку крайнего кресла и смотрел на меня. Лоскут я к тому времени уже опустила, разговор с помощницей Марины шел о другом платье, а он продолжал смотреть.

Я машинально поправила волосы, которые из-за жары на сцене убрала в небрежный хвост. Илья улыбнулся, совсем немного, и отвернулся на голос световика.

До конца проверки у меня было прекрасное настроение. Даже зеленый образец, который пришлось забраковать, я убирала в коробку без особого сожаления. Я могла бы поклясться, что радуюсь исключительно удачному выбору материалов, если бы не старалась, уходя со сцены, еще раз поймать его взгляд.

В обед, когда я вышла за кофе, Илья посоветовал взять в булочной вишневый пирог, пока его не разобрали. Светлана, с которой мы поделили покупку, одобрила совет. Мне теперь хотелось спросить Берестова, что еще он любит.

Наутро Марина собрала нас, чтобы согласовать график примерок и дальнейшей работы на сцене. Илья сел напротив меня. Когда он потянулся к лежавшему посреди стола листу, я увидела длинную нитку, свисавшую с его манжеты. Он попытался оборвать ее, но ткань возле пуговицы сразу натянулась.

— Не дергайте, — сказала я.

Илья посмотрел на меня. Марина продолжала обсуждать график, поэтому я показала ему жестом, что объясню потом. Когда мы закончили, он подошел спросить, что там у него с рубашкой. Оказалось, пуговица на манжете держалась на двух стежках, а остальная нитка уже почти распустилась.

— Отрежете ее, пуговицу потеряете. Вы торопитесь?

— Минут пять есть.

В мастерской Аня выдала мне подходящую катушку и маленькие ножницы, а сама ушла со Светланой искать нужную вещь в фонде. Илья остался возле раскройного стола. Я предложила ему расстегнуть манжету, продела нитку в иглу и взялась за ткань.

— Держите руку свободно. Мне надо с изнанки подлезть.

Он послушно положил ладонь на стол. Пришивать пуговицу на человеке не очень удобно, но в театре приходилось делать и более сложные вещи. Я аккуратно убрала старую нитку, прижала большим пальцем край манжеты и провела иглу через отверстие. Илья не двигался. От него пахло чем-то свежим, совсем ненавязчивым, и еще немного кофе. Когда я повернула его руку, чтобы закрепить нитку с обратной стороны, почувствовала тепло кожи возле запястья.

У меня вдруг вылетело из головы, сколько стежков я уже сделала. Пришлось пересчитать. Это было так глупо, что я тихонько засмеялась.

— Что там? — спросил он.

— Думаю, переживет ли рубашка ваше обращение с ней.

— Я вообще-то ее люблю.

— По состоянию манжеты видно.

Он рассмеялся. Я закончила, отрезала нитку, разгладила ткань и подняла голову. Оказалось, Илья смотрел, как я работаю, и мы стояли гораздо ближе, чем мне казалось. Он не сразу убрал руку. Я тоже задержалась, хотя пуговица была пришита и больше ничего не требовалось. Отстранилась первой, положила ножницы на стол.

— Готово. Теперь можете застегнуть.

— Спасибо, Надежда.

Он застегнул манжету, повертел запястьем, проверяя результат, и ушел. Я еще немного постояла у стола с катушкой в руке.

Вечером я долго не могла уснуть. Переворачивала подушку прохладной стороной, вспоминала, что на кухне закончился хлеб, что завтра примерка. Но стоило закрыть глаза, как я опять оказывалась возле раскройного стола. У меня на ладони лежала его рука. А ведь можно было просто подойти к нему и заговорить, без ниток и иголок. Почему же я этого до сих пор не сделала?

Двадцать девятого я рассматривала себя в зеркале дольше обычного. Выбрала светлую рубашку, подкрасила ресницы и уже у двери обнаружила, что надела разные серьги. Пришлось вернуться. К началу примерки я опоздала на четыре минуты.

Илью увидела только под вечер. Он стоял у служебного входа и листал что-то в телефоне, когда я подошла к вахте сдавать пропуск. Я поздоровалась, хотя мы уже виделись утром в коридоре, и стала искать ручку. Вахтерша, как обычно, положила ее под журнал, а потом сама не могла найти.

— Надежда, вы завтра вечером свободны? — спросил Илья.

— Завтра? Вроде бы. А что еще надо обсудить?

— Я хотел пригласить вас на ужин.

— По спектаклю?

Он улыбнулся.

— Нет. На свидание.

Ручка нашлась у меня прямо под локтем. Я расписалась, оставила ее на журнале и только потом посмотрела на Илью. Он ждал ответа, причем, к моему некоторому возмущению, выглядел совершенно спокойно. Я же почувствовала, что мне становится жарко под воротником рубашки.

— А, — сказала я. — Тогда да.

— В семь удобно?

— Удобно.

Мы договорились встретиться возле булочной, откуда можно было дойти до ресторана. Илья попросил мой номер, чтобы написать, если что-нибудь изменится, и я продиктовала его. Тут же в сумке завибрировал телефон. Он показал мне экран своего аппарата, я убедилась, что звонок от него, и сохранила контакт уже на улице.

До квартиры я дошла быстрее обычного. В прихожей сняла туфли и в зеркале поймала собственную улыбку — широкую, совсем девчоночью. Пришлось сесть на кухне.

У меня завтра свидание. И никто меня на него не уговаривал.

За время после развода я дважды ужинала с мужчинами, которых мне настойчиво рекомендовали знакомые. После этих встреч решила, что впредь обойдусь без посредников. И вот подходящий случай сам нашел меня у театральной вахты.

Я достала темно-зеленое платье, взятое из Самары, и повесила на дверцу шкафа. Алиса позвонила, пока я гладила его. Мы остановились на датах ее приезда: с двадцатого по двадцать второе июня. Чуть было не рассказала ей про свидание, но решила пока оставить эту новость при себе.

Тридцатого мая, вернувшись из театра, я переоделась, подкрасила губы, надела туфли, взятые по совету дочери. У зеркала сняла цепочку, надела обратно и, рассердившись на собственную нерешительность, наконец вышла.

Илья ждал возле булочной. На нем была светлая рубашка с открытым воротом, темные брюки, и без привычного телефона, чертежей или коробок в руках он выглядел настолько по-другому, что я узнала его не сразу. Увидев меня, он выпрямился.

— Какая вы красивая.

Я не нашла ничего умнее, чем посмотреть на собственные туфли.

— Спасибо. Вы тоже хорошо выглядите.

— Я старался.

Он сказал это совершенно серьезно, но у глаз появились смешливые складки. Я рассмеялась, и первая неловкость прошла. Мы направились вдоль улицы. Илья предложил перейти на «ты»: на работе, по его словам, мы еще успеем вдоволь повыкать друг другу. Я поправила, что знакомы мы меньше недели. Он задумался.

— Всего-то? А я уже с таким уважением отношусь к вашим булавкам.

— К твоим, — поправила я.

— К твоим булавкам. Видишь, я стараюсь.

В маленьком ресторане Илья забронировал столик у открытого окна. Он взял меню, и я с удовольствием разглядела его лицо вблизи: карие глаза, темные брови, чуть заметные складки у рта. Улыбка меняла его сильнее, чем я ожидала. Когда он спросил, выбрала ли я что-нибудь, пришлось признаться, что еще даже не заглянула в меню. Я заказала рыбу и белое вино, Илья — мясо и воду.

— Ты за рулем? — спросила я.

— Нет. Завтра рано вставать, а я плохо совмещаю вино с ранним утром. Хотя сегодня ради хорошей компании могу передумать.

— Не надо. Я не настолько хорошая компания, чтобы из-за меня завтра страдать.

— Это еще посмотрим.

За ужином выяснилось, что Илья терпеть не мог спектакли, в которых актеры обращаются непосредственно к зрителям. Особенно его пугала возможность, что кто-нибудь из артистов подойдет и попросит его что-то сказать. Я немедленно вспомнила постановку, где главный герой выходил в зал, усаживался на свободное место и начинал разговаривать с соседом. Илья однажды попал примерно на такой спектакль в другом городе и половину второго действия просидел, притворяясь, что у него сильно болит нога. Артист действительно оставил его в покое, зато после поклона соседка вызвалась помочь ему добраться до выхода.

— И что ты сделал?

— Сказал, что отпустило. Не мог же я до гостиницы хромать.

— А если бы она тебя в гостиницу провожать пошла?

— Вот тогда пришлось бы жениться.

Я смеялась так, что официант, принесший хлеб, тоже улыбнулся. Мы поспорили, стоит ли зрителям показывать, как устроен спектакль. Илья любил водить любопытных за сцену, я же была за сохранение некоторых секретов. Пусть зритель верит, что актриса вышла из собственного дома в любимом платье, хотя под ним уже спрятана футболка для следующей сцены.

— Тебе самой всегда было интересно именно костюмы делать? — спросил он.

— С детства. У мамы была машинка, на которой я в двенадцать лет умудрилась сшить школьную юбку. Очень короткую. Мама хотела ее удлинить, я сказала, что это нарушит замысел. В школу в итоге пошла в другой.

— Зато слово какое знала.

— У меня с обоснованием замысла всегда хорошо было. С застежками хуже.

Я рассказала, как поступала учиться, как после рождения Алисы вернулась на занятия и сколько времени потом работала в театре. Илья удивился, когда услышал, что у меня был такой длинный перерыв в штатной работе.

— А ты сама захотела уйти?

— В тот момент это казалось разумным решением. Дочь в школу пошла, муж часто ездил по работе. У меня вечерние репетиции, примерки, всякое бывало. Я брала заказы на дом. Сначала думала, на годик-другой.

— И в Ярославль сейчас одна приехала?

— Одна. Мы с мужем развелись прошлым летом. Дочь уже взрослая, у нее своя семья.

Я отпила вина. В первый раз за вечер Павел появился в нашем разговоре, и мне стало любопытно, что Илья скажет дальше. Он же чуть подвинул ко мне корзинку с хлебом, которую я до сих пор не трогала, и сообщил:

— Я тоже разведен. Три года. У меня сын, Миша.

— Сколько ему?

— Десять. Сейчас с мамой. У них какой-то грандиозный проект с воздушным змеем, причем змея пока нет, зато уже есть список из четырнадцати вещей, которые я должен купить.

— Составлял сын?

— Сын диктовал. Мама потом часть вычеркнула, чтобы нас с ним не понесло. Мы как-то решили делать домик для хомяка. Оказалось, для полноценного строительства нам не хватает только участка земли и разрешения на ввод в эксплуатацию.

Он достал телефон и показал фотографию Миши. Мальчик в красной толстовке сидел на полу рядом с деревянной конструкцией, в которой, кажется, имелось гораздо больше этажей, чем требовалось хомяку. Волосы у него были такие же темные, как у отца, а на коленях лежала отвертка. Я улыбнулась. Очень знакомое выражение лица: Алиса в детстве точно так же серьезно смотрела на меня, когда ей удавалось самой застегнуть молнию на куртке.

— Хомяк в итоге доволен?

— Хомяк оказался приверженцем одноэтажной застройки. Спит внизу, наверх поднимается только за едой.

Илья убрал телефон. Я спросила, давно ли он работает в «Театре на пристани». Семь лет назад он пришел сюда на техническую должность, до этого ездил с концертными командами по разным городам. Вспомнил несколько смешных случаев с тех времен, когда еще собирался поступать учиться дальше, но на занятия вечно не хватало времени.

— А теперь вот в школу вернулся, — добавил он. — Учу математику вместе с Мишей. В феврале тридцать четыре исполнилось, а детские задачки до сих пор могут меня в тупик поставить.

Я положила вилку на тарелку. Тридцать четыре. Конечно, я видела, что он моложе меня, но точную цифру почему-то до этого вечера так и не попыталась угадать. Вероятно, предпочитала не знать.

Когда я родила Алису, ему было одиннадцать. Я представила его мальчишкой, примерно таким, каким на фотографии был Миша, и тут же пожалела, что принялась считать. Господи, ну зачем мне понадобилось это сравнение?

— А твоей дочери сколько? — спросил он.

— Двадцать три. В мае исполнилось. А мне в апреле сорок три.

Последнюю фразу я произнесла с излишней отчетливостью, словно он мог перепутать четыре и три и потом предъявить мне претензию. Илья отложил вилку.

— Ты совсем молодая мамой стала.

— В двадцать. Ужасно самоуверенная была. Считала, что к вечеру буду все успевать, ребенок будет спать по расписанию, я еще и книжки читать смогу. Книжки, кажется, первые три месяца даже не открывала.

— Я в первый месяц после рождения Миши просыпался раньше него. Все ждал, когда заплачет. А если долго не плакал, вставал проверять, дышит ли.

Мы оба улыбнулись. Илья спросил, давно ли Алиса замужем, я ответила, что она скоро станет мамой. Тут он поздравил меня, уточнил, когда ждут ребенка, и разговор пошел своим чередом. Я же обнаружила, что совсем перестала чувствовать вкус рыбы. Ела ее, кивала, отвечала, а сама все еще сидела внутри той короткой паузы после названного возраста.

Сорок три года. Будущая бабушка. Он моложе меня на девять лет. Вероятно, до ужина он решил, что разница года четыре, самое большее пять. А теперь все стало известно, и ему оставалось из вежливости дождаться конца вечера.

Я была готова поверить в эту версию, несмотря на то, что Илья по-прежнему смотрел на меня с интересом, спрашивал о моей работе и даже пытался убедить попробовать десерт. Когда официант принес меню, Илья предложил разделить один большой кусок шоколадного торта.

— Ты разве не по вишневым пирогам специалист? — спросила я.

— Пироги до обеда. После восьми возможны отклонения от специализации.

Мы заказали торт. Официант принес две вилки. Илья отрезал маленький кусок с края, попробовал и подвинул тарелку ко мне.

— Вот теперь я понимаю, зачем тут две вилки. Один человек с этим не справится.

— Справится, если не будет отвлекаться на разговоры.

— Тогда придется тебя отвлекать.

Я взяла вилку, и наши руки на мгновение соприкоснулись. Он отодвинул свою ладонь, чтобы мне было удобнее, но успел посмотреть мне в лицо. Никакой вежливой отстраненности я в этом взгляде не увидела. Наоборот, мне почудилось, что еще немного — и я сама накрою его руку своей. Пришлось заняться тортом.

Когда мы вышли из ресторана, уже стемнело. Я согласилась немного пройтись. Илья показывал по дороге места, которые любил, и рассказывал о маленьком концертном зале, где

когда-то работал. У реки было ветрено. Я пожалела, что не взяла жакет, но возвращаться пока не хотелось. Мы остановились у ограды, за которой поблескивала вода.

— Ты ведь здесь до июля? — спросил Илья.

— До двадцатого. Квартира до этой даты оплачена. Потом в Самару поеду.

— Долго еще до двадцатого июля.

— Смотря с какой стороны смотреть. У меня половина костюмов пока на бумаге.

— Тогда, наверное, придется иногда напоминать тебе, что у тебя есть вечера.

Я повернулась к нему.

— Ты уже планируешь следующий?

— Да. А ты?

Можно было засмеяться, перевести разговор в шутку, сказать, что сначала посмотрю рабочий график. У меня даже было несколько хороших причин именно так и поступить. Однако мне было слишком приятно видеть его лицо в эту минуту. Он стоял рядом, чуть наклонив голову, и ждал ответа. Я хотела увидеть его снова. И потом еще раз.

— Я тоже, — сказала я.

— Тогда давай второго июня? Придумаем что-нибудь, кроме ресторана.

— Давай.

По дороге домой мы поспорили о том, в каком возрасте человек приобретает право ворчать на молодежь. Илья утверждал, что получил его, когда впервые увидел Мишу в носках разного цвета. Я призналась, что сама вчера надела разные серьги и из-за этого опоздала на примерку.

— Так вот что случилось! — рассмеялся он. — А Марина тебя искала.

Я толкнула его локтем в бок. Илья засмеялся, подхватил меня под руку, когда мы спускались с высокого бордюра, и я не отстранилась сразу. До следующего перекрестка мы шли так, почти соприкасаясь плечами. Простой этот жест оказался для меня неожиданно волнующим. Я давно не гуляла с мужчиной, который нравился мне настолько, что даже случайное прикосновение хотелось продлить.

У моего подъезда Илья остановился. Я поблагодарила его за вечер, он ответил, что ему было хорошо. В освещенном окне первого этажа кто-то поправлял занавеску, во дворе хлопнула автомобильная дверь. Я стояла с сумкой в руках и впервые за весь вечер совершенно ясно представляла, как он мог бы меня поцеловать. От одной мысли об этом стало жарко.

Илья протянул руку и на несколько секунд сжал мои пальцы.

— До встречи, Надя.

— До встречи.

В квартире я прислонилась спиной к двери. Болели ноги, во рту оставался вкус шоколада, а мне все еще хотелось вернуться на улицу. Через несколько минут пришло сообщение.

«Надеюсь, ты не передумаешь насчет второго июня».

«Не передумаю. Только шоколадный торт в следующий раз закажем каждому свой».

Илья пожелал мне доброй ночи. Я повесила платье, открыла окно и прислушалась к голосам во дворе. Впервые после развода я была недовольна тем, что вечер кончился так рано.

Утром тридцать первого мая я проснулась раньше будильника. За кофе настроение успело испортиться: я подошла к зеркалу и с небывалой придирчивостью разглядела морщинки возле глаз, привычную складку на лбу. Неужели вчера вечером Илья их не заметил? Как долго мужчине в тридцать четыре может быть интересно с женщиной, которая старше на девять лет? Пару свиданий? Месяц? Все лето, пока она живет в соседнем квартале? Я мучила себя вопросами, на которые еще не существовало ответов.

В театр пришла с пакетом эскизов. Светлана с порога сообщила, что привезли не весь заказ и часть ткани придется подождать до начала июня. Мы сверили количество, поправили последовательность работы и занялись первой примеркой юбки для Вериной героини. К обеду

я немного успокоилась. В конце концов, у меня и до вчерашнего вечера была жизнь, причем очень неплохая.

В половине второго мы с Ильей встретились в коридоре. Он разговаривал с одним из рабочих, а я шла в репетиционный зал. Увидев меня, Илья улыбнулся и закончил объяснять, где надо оставить привезенные детали. Потом подошел.

— Привет. Выспалась?

— Почти. А ты?

— Я отлично. До сих пор думаю, что зря отдал тебе последнюю часть торта.

— Поздно жаловаться. Надо было быстрее действовать.

— Учту.

Он спросил, все ли у нас в порядке с завтрашней работой на сцене. Я рассказала, что одного материала не хватает, но пока менять планы не придется. Мы уточнили время, затем каждый пошел по своим делам. Никто вокруг не обратил на нас особого внимания. Илья не пытался устроить из нашего свидания событие для всего театра, и мне это нравилось. Однако спустя минуту телефон в моей сумке коротко завибрировал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.